

Предвзятость

Лу Янь явно не ожидал столь резкого поворота в разговоре. На секунду он опешил, переваривая услышанное, и лишь затем возмущённо возразил:

— Конечно нет. С чего ты взял, что я иду против Чжоу Чуаня?

Цзян Шэн тоже был застигнут врасплох внезапным вопросом Му Чэна. Он украдкой взглянул на Чжоу Чуаня и заметил, что тот недовольно нахмурился, явно не одобряя подобный допрос.

Му Чэн понимающе кивнул, и на его губах заиграла раздражающе-сладкая усмешка.

— Ну и славно, — протянул он с издёвкой. — А то я уж испугался, что ты решишь красиво сдохнуть во имя любви.

Лу Янь изменился в лице. Цзян Шэн заметил, как тот ошетинился — отчасти от злости, но в большей степени от того, что Му Чэн бесцеремонно ткнул в его тайную рану, пробив напускное хладнокровие.

— Я не настолько самоуверен, чтобы лезть в петлю ради чувств и надеяться выжить, — ледяным тоном отрезал Лу Янь. Было очевидно, что Му Чэн задел его за живое.

Слушая эту туманную пикировку, Цзян Шэн сообразил, что речь идёт о чём-то глубоко личном, и благоразумно решил не лезть с расспросами. В конце концов, их связывало лишь временное соглашение, и его главной задачей оставалось собственное выживание.

Когда Цзян Шэн уже решил, что тема исчерпана, Лу Янь внезапно впился взглядом в Му Чэна и нанёс ответный удар:

— А ты сам случайно не оборотень?

Му Чэн даже не подумал возмутиться столь откровенному выпадку. Он лишь тихо рассмеялся. В бледном сиянии луны его красивое лицо казалось порочным и притягательным, напоминая хищный экзотический цветок, приманивающий жертв ярким окрасом.

Он повернулся к Лу Яню и с интересом спросил:

— С чего такие выводы?

Цзян Шэн почувствовал, как за этой мягкой улыбкой проступила чистая насмешка.

Лу Янь снова принял свой излюбленный ленивый вид, однако слова его разили наповал — в каждой фразе таилось по острому шипу.

— Остальные тебе верят только потому, что считают Чжоу Чуаня настоящим Провидцем, а тебя — подтверждённым мирным. Но мы-то прекрасно знаем: Чжоу Чуань никакой не Провидец. Он назвал тебя «золотой водой» просто исходя из своего опыта. А опыт, как известно, частенько подводит.

Му Чэн не остался в долгу:

— И кто же тогда настоящий Провидец, по-твоему, если не я?

В глазах Лу Яня отразилась россыпь ночных звёзд, но голос его так и обдавал арктическим холодом:

— Понятия не имею. Может, Юй Цзянь, а может, Сюй Линьфэн. Они новички и разумно предпочитают не высовываться в первые дни. Не исключено, что это Чу Синь. Она спит и видит, как бы подставить Чжоу Чуаня под удар и сделать мишенью для оборотней.

Лу Янь сделал короткую паузу. Гнев внутри него закипал, лишая привычной расчётливости, и слова уже срывались с языка почти бесконтрольно. Мазнув быстрым взглядом по Цзян Шэну, он добавил:

— Или вообще Чжан Сыцяо была тем самым Провидцем. Сюй Ян в первый же день объявил себя Сильным божеством и заявил, что смерти не боится. Этим он тонко намекнул оборотням, что у него припрятан козырь для самообороны или возмездия. Разумеется, волки поостереглись его трогать, что логично объяснило, почему он до сих пор жив. Но по факту он ведь ни Охотник, ни Ведьма.

Цзян Шэн, которого без вины виноватого втянули в эту разборку, лишь развёл руками:

— Да я просто блефовал, чтобы шкуру свою спасти, честное слово.

Лу Янь пропустил его оправдания мимо ушей и упрямо гнул свою линию:

— Чжан Сыцяо при первой проверке выставила Сюй Яну проверку на убийство. И если он действительно волк, то её слова обретают абсолютный смысл. Но его «добродетель» подтвердил именно ты. Что, если вы с ним в одной стае?

Му Чэн снисходительно похлопал в ладоши, ничуть не уязвлённый этой тирадой.

— Красиво излагаешь, — с усмешкой протянул он. — Что ещё выдашь?

Сохраняя каменное выражение лица, Лу Янь продолжил:

— Ты также настоял на казни Чжан Цяна, хотя тот открыто назвал себя божеством. Если сложить пазл: Сюй Тун — Ведьма, Чжан Цян — Идиот или Охотник, Чжан Сыцяо — Провидец, а Чжоу Чуань — Шериф, то у нас получается полный комплект из четырёх божеств. Выходит в точности то, о чём предупреждала Чжан Сыцяо: ты целенаправленно истребляешь «богов».

Взгляд Лу Яня в этот момент казался смертоносным оружием.

Му Чэн тихо хмыкнул:

— Если следовать твоей безумной логике, зачем мне тогда было убирать Ван Жонань и Юй Цзяня? Я мог преспокойно добить оставшиеся божества за эти двое суток. К тому же ты, кажется, забыл, что приказ Ведьме отравить Чжан Сыцяо отдал Чжоу Чуань, а не я.

При этих словах Цзян Шэн и Чжоу Чуань синхронно нахмурились. Именно Му Чэн сфабриковал результаты проверок и выдал себя за Провидца, но теперь без малейших зазрений совести перекладывал всю вину на плечи Чжоу Чуаня.

Лу Янь презрительно фыркнул, окончательно сбрасывая маски:

— Да всё гораздо проще. У тебя кишка тонка контролировать собственных поделщиков, вот твоя волчья стая и загрызла двух простых мирных жителей вопреки твоему плану.

Он выразительно посмотрел на Чжоу Чуаня, а затем на Цзян Шэна:

— А почему слили Чжан Сыцяо? Да потому что ты скормил Чжоу Чуаню именно ту ложь, которую он так жаждал услышать. Вот он и принял твою игру за чистую монету. Люди ведь всегда так устроены: правда их не интересует, главное — получить подтверждение собственным иллюзиям.

На лице Му Чэна не дрогнул ни один мускул. Он сохранял абсолютное хладнокровие.

— И почему же я тогда сегодня не оклеветал кого-то из оставшихся мирных после своей «проверки»?

— Да потому что Чжоу Чуань сам начал косо смотреть на Ли Ливэнь, — парировал Лу Янь. — У тебя просто не оставалось выбора, кроме как подстроиться под его подозрения. К тому же, пусть ты и не тронул мирных, зато преотлично попытался очернить меня, заронив в их души зерно сомнения. Если я прав, то вся ваша банда до сих пор цела и невредима. И даже если мы казним одного оборотня, вы всё равно без труда вырежете оставшихся мирных и победите. Тем более Чжоу Чуаню в роли шерифа чертовски непросто решиться и отправить на голосование Цзян Шэна.

Цзян Шэн не уловил скрытого подтекста этой фразы, списав всё на то, что Лу Янь считает Чжоу Чуаня слишком мягкосердечным, а потому благоразумно промолчал. Но про себя он иронично хмыкнул: «Какая стройная теория. Если бы ты только что сам не пытался выставить меня оборотнем, я бы, пожалуй, даже повёлся».

Му Чэн не стал распаляться и приводить тонны контраргументов. Он лишь небрежно бросил:

— Одно «но»: Чжан Сыцяо перед смертью сама назвала меня «золотой водой».

Этот неоспоримый факт начисто разбивал всю хитроумную цепочку обвинений Лу Яня. Поставив шах и мат, Му Чэн повернулся к Чжоу Чуаню, безмолвно призывая шерифа положить конец этой бессмысленной словесной дуэли.

Чжоу Чуань перехватил его взгляд и, помрачнев, обратился к Лу Яню:

— К тому же, если верить твоей выдумке, Чжан Цян мог быть только Идиотом. Но Чжан Цяня днём казнили мы сами, общим голосованием. Оборотни тут ни при чём.

Повисла неловкая пауза. Лу Янь явно упустил из виду эти нестыковки и теперь угрюмо молчал. Цзян Шэн догадался, что парень состряпал эту обвинительную речь на коленке, просто чтобы защититься от нападков Му Чэна. До этого момента он наверняка и сам не сомневался, что Му Чэн — Провидец, а потому в его спешно выдуманной теории зияли огромные бреши.

Му Чэн победно вскинул бровь и едва заметно улыбнулся. Чжоу Чуань предостерегающе зыркнул на него, пресекая любые попытки поглумиться над проигравшим.

Смягчив тон, он негромко сказал Лу Яню:

— Я понимаю, что вчера ты весь день безуспешно мотался по делам, сегодня толком не спал, да ещё и под подозрение попал. Нервы на пределе, я знаю. Тебе нужно было выпустить пар, поэтому я не стал вмешиваться и позволил тебе немного почудить. Но теперь, когда ты высказался, давай закроем тему. Мне бы очень не хотелось, чтобы подобные глупости разрушили доверие между нами.

Лу Янь промолчал. По его хмурому лицу трудно было понять, принял ли он эти слова.

В сотый раз заглаживая конфликт, Чжоу Чуань со вздохом добавил:

— Даю слово: если Му Чэн окажется оборотнем, я лично пушу ему пулю в лоб из своего ружья. Идёт?

Говорил он мягко, словно утешал капризного ребёнка, но при этом явно давал понять, что

всегда прикроет его спину.

Лу Янь кивнул, постепенно приходя в себя. Осознав, что его вспышка и впрямь была детской истерикой, он повернулся к Цзян Шэну и искренне извинился за свои нападки. Му Чэна он, разумеется, достаивать извинениями не стал.

Цзян Шэн устало вздохнул:

— Проехали. Всё нормально.

Ему не привыкать быть козлом отпущения, одним обвинением больше, одним меньше — какая разница.

Чжоу Чуань ласково потрепал Лу Яня по волосам — жест, полный нежности и негласной поддержки.

И тут Цзян Шэн отчётливо понял одну вещь: пускай на словах Чжоу Чуань и защищал логику Му Чэна, стрелка его внутренних весов всегда, без малейших колебаний, указывала в сторону Лу Яня. Он скользнул взглядом по лицу Му Чэна. Даже размытый ночными тенями, его профиль сохранял хищную, угрожающую резкость. И в этот миг Цзян Шэну стало почти жаль этого «ночного Провидца».

Переведя взгляд на мягкие, по-детски округлые черты Лу Яня, Цзян Шэн мысленно вздохнул: «Тут и гадать нечего. Красивым и милым всегда всё сходит с рук».

Как только их ночной совет завершился, утомлённый до предела Цзян Шэн поплёлся к себе. Заперев дверь, он не стал сразу ложиться. Вместо этого он уселся на корточки перед лежанкой и долго наблюдал за тем, как мерно вздымается и опускается пушистый бок спящего котёнка.

Зрелище было настолько умиротворяющим, что он не выдержал. Запустил пальцы в мягкую шёрстку, аккуратно погладил тёплый животик, потискал крошечные лапки, а под конец легонько сжал пухлые щёчки. Котёнок сладко замурчал. Цзян Шэн блаженно зажмурился — вся накопившаяся за день душевная скверна мгновенно улетучилась.

Насладившись кошачьей терапией, Цзян Шэн попытался подняться, но затёкшие ноги тут же пронзило тысячей иголок. Он кое-как доковылял до кровати, намереваясь наконец провалиться в сон, как вдруг в тишине раздался негромкий настойчивый стук: тук-тук-тук.

Преодолевая слабость, он поднялся и тихо прильнул к дверному глазку. Увидев визитёра, он мысленно выдохнул: «Пронесло».

За дверью стояла Ли Ливэнь. Лицо её, мокрое от слёз, выглядело жалким и несчастным. Она продолжала упрямо колотить по дереву, а Цзян Шэн просто замер у порога, не издавая ни звука.

Не расскази ему Му Чэн пару часов назад о результатах ночной проверки, не сочти он Цзян Шэна своим союзником — парень наверняка поддался бы жалости и впустил рыдающую девушку. Но теперь правила игры изменились.

Он быстро взвесил все «за» и «против», оценив вероятность того, что игнорирование стука окажется фатальной ошибкой, и, решив, что ничем не рискует, со спокойной душой забрался под одеяло.

Стук за дверью понемногу затихал, переходя в едва слышную дробь, но упорно не прекращался. Цзян Шэн вымотался настолько, что этот ритмичный звук подействовал на него как колыбельная. Вскоре он погрузился в глубокий безмятежный сон.

Он так и не узнал, когда именно ушла Ли Ливэнь и попыталась ли она постучаться к кому-то ещё.

Ровно в восемь утра мерзкий дребезжащий голос системного динамика безжалостно вырвал его из объятий сна. Делать нечего — пришлось вставать.

Спустившись в гостиную, он окинул взглядом собравшихся. Почти вся выжившая группа была в сборе. Не хватало только Чжоу Чуаня.

Подавляя зевоту, Цзян Шэн занял своё привычное место за длинным столом и негромко поздоровался с Лу Янем:

— Доброе утро.

Тот, уплетая принесённый из кухни горячий баоцзы, невнятно буркнул в ответ что-то похожее на приветствие. На лице Лу Яня снова сияла его привычная беззаботная улыбка, и даже проходящий мимо Му Чэн дружелюбно кивнул им обоим.

Глядя на них, можно было подумать, будто ночная ссора во дворе была лишь плодом утомлённого воображения Цзян Шэна.

Вскоре появился и Чжоу Чуань. Вид у него был помятый, а под глазами залегли тяжёлые синяки. И пускай это ничуть не портило его благородную внешность, по замученному лицу было очевидно: сна этой ночью он так и не увидел.

Поймав его взгляд, Цзян Шэн беззвучно, одними губами спросил: «Что случилось?» Чжоу Чуань ответил долгим, нечитаемым взглядом, но промолчал.

Цзян Шэн хотел было спросить напрямую, но его прервал раскатистый скрежет из динамиков.

[Внимание, игроки. Просьба занять свои места согласно правилам] — прогремел голос системы, вынуждая всех торопливо рассесться по местам.

[А теперь приступаем к сегодняшнему судилищу] — в бодрых, почти весёлых интонациях системы скользило что-то настолько дикое, что Цзян Шэн невольно сравнил этот тон с голосом воспитательницы, созывающей детсадовцев на загородную прогулку.

Не у одного него по спине пробежал холодок. Сюй Тун передёрнула плечами от подсознательного страха, а Ли Ливэнь поспешно изобразила на лице искренний ужас.

Цзян Шэн лишь откинулся на спинку стула. Внутренне собравшись, он приготовился к неизбежному началу нового раунда игры со смертью.

<http://bllate.org/book/20126/2038569>